

В.Л.Телицын

Нестор Махно

Долгие годы имя Нестора Ивановича Махно у одних вызывало жгучую ненависть, у других – безграничную любовь. Советская пропаганда приложила немало усилий, стремясь сформировать отталкивающий образ, а крестьянская среда противопоставляла почти сказочный образ героя-защитника, что и нашло отражение в народных сказаниях и песнях о батъке, передаваемых из поколения в поколение. Вокруг его имени до сих пор нагромождено множество мифов и труднообъяснимых фактов. Его фантастическую популярность в годы гражданской войны трудно преувеличить. Тысячи людей шли за ним в бой и на смерть, узнавали среди толпы, внимательно выступающему на митинге, верили ему, запомнили безгранично щедрым и не менее жестоким.

Любопытными представляются характеристики знавших Махно людей. Все сходится на том, что он имел неказистую и даже тщедушную внешность. Своим обликом одним он напоминал полицейского урядника с неизменной саблей, болтавшейся на боку, другим – переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом. «По первому впечатлению, – свидетельствует современник, – это больной туберкулезом человек, но никак не

грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды. И только небольшие темно-карие глаза, с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, – глаза, как бы все знающие и раз и навсегда покончившие со всеми сомнениями, – вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и тщедушной фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно – человек воли, импульса, страсти, которые бешено кипят в нем, которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской».

Махно многих удивлял и поражал. Казалось, этот человек сложен из какого-то особого стойкого материала. Ни перед какими препятствиями он не отступал, в наиболее тяжелые минуты жизни оставаясь собранным и готовым к действию. В этом своем спокойствии он представлял собой сложный волевой порыв к победе над противником. Не разгадав феномен Махно, как и других похожих на него сынов и пасынков революции, мы не сможем понять весь трагизм русской смуты начала XX в., перемоловшей в своих жерновах не только судьбы людей, но и психологию всего того поколения. Возможно, в этом ракурсе судьба Махно наиболее показательна.

Вадим Леонидович Телицын – кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва.

Так кто же он такой – некогда знаменитый батька Нестор Махно?

***

«Отец мой – бывший крепостной крестьянин помещика Мабельского, жившего в одном из своих имений в деревне Шагаровой, что в семи верстах от села Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии. Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика то конюхом, то воловником. Ко времени моего рождения (27 октября 1889 г.) он оставил уже службу у помещика и поступил кучером к гуляйпольскому заводчику, богатому еврею – Кернеру. Отца своего я не помню, так как он умер, когда мне было только 11 месяцев. Пятеро нас братьев-сирот (Савелий, Карп, Емельян, Григорий и Нестор. – **В.Т.**), мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола ни двора. Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать» – так вспоминал Махно о своем нелегком детстве.

Всю жизнь Махно с самого дня его рождения сопровождали легенды. Согласно одной из них, при крещении Нестора на священнике загорелась риза. По всему Гуляйполю разнеслась весть о том, что, согласно древнему поверью, новорожденный должен стать разбойником.

Школьные премудрости давались ему легко. Учился он хорошо, учителя его хвалили. Но уже с ранних лет в характере Махно проявлялись вспыльчивость, злость и упрямство, упорное неприятие всякого насилия над собой, острое нежелание кому-либо подчиняться. В 12 лет Махно пошел в «люди», пас овец и телят, во время молотбы гонял в арбах волов. К своим хозяевам он испытывал чувство смертельной ненависти, его буквально разрывала жажда отмщения за оскорбления и унижения. Купец Тупиков, выгнав Нестора из своего магази-

на, рассказывал: «Это же настоящий хорек: молчаливый, замкнутый, сумрачно смотревший на всех недобрым взглядом».

Грянула революция 1905 г. Известие о расстреле демонстрации в Петербурге 9 января долетело и до провинции. В те годы в Гуляйполе появилась группа анархистов «Союз бедных хлеборобов». Махно попытался вступить в организацию, но ее руководители сначала отказали ему в этом. Они боялись, что отличавшийся непредсказуемостью действий и болтливостью Нестор может, сам того не желая, раскрыть организацию. Однако вечером 14 октября 1906 г. он выследил одну из групп, которая направлялась на операцию, и, перехватив ее на пути, решительно заявил: «Или убейте меня прямо здесь, или возьмите с собой».

Тем ничего другого не оставалось, как взять его с собой. Вступив в организацию, Махно сразу же попытался завоевать популярность и лидерство, но долго «анархистствовать» ему не пришлось. Вскоре он оказался в местной кутузке, куда его доставили как подозреваемого в ряде грабежей.

Следствие продолжалось весь 1909 г., от Нестора требовали покаяния, но Махно молчал. В ответ начальник тюрьмы запретил переписку, отменил очередное свидание с матерью. Нестор отказывался выходить из камеры, на очередные допросы его волокли силой. 14 декабря был составлен обвинительный акт: следствие считало вину террористов доказанной. С 20 по 26 марта 1910 г. в Екатеринославе проходил суд над группой гуляйпольских анархистов. «За принадлежность к злонамеренной шайке» Махно приговорили к смертной казни через повешение.

52 дня Махно мучился и терзался в камере, еженощно напряженно прислушиваясь к каждому шороху, ожидая прихода палача и тюремного священника... От смертной казни его спасло само Провидение. На момент вынесения смертного приговора по метрике (исправленной матерью) Нестору не хватало до совершеннолетия – 21 года – шести месяцев. 5 апреля 1910 г. командую-

щий войсками Одесского ВО направил рапорт о замене Махно смертной казни бессрочной каторгой. 7 апреля премьер-министр П.А.Столыпин дал согласие на «смягчение участи» Н.Махно.

2 августа 1911 г. он этапом отправлен в Москву, в Бутырскую тюрьму. Интересные сведения о бутырском периоде жизни Нестора оставил его духовный наставник Аршинов: «В обстановке каторги он ничем особенным не отличался от других, живя, как и все прочие, – носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на проверку. Единственное, что обращало на него внимание, – это его неутомимость. Он вечно был в спорах, в расспросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью». Махно изучал русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Тюрьма для него стала школой, где он почерпнул знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей революционной деятельности.

О начале Февральской революции и крушении монархии Махно узнал от тюремных надзирателей. Выйдя на свободу после стольких лет тюремной тишины, он, буквально оглушенный происходившим, как губка впитывал в себя новые впечатления. Спустя три недели Нестор, несмотря на уговоры московских анархистов, поспешил в родное Гуляйполе.

Весть о том, что в Гуляйполе вернулся освобожденный каторжник, разнеслась мгновенно. Вероятно, в иное время в глазах односельчан Махно выглядел бы неудачником. Но времена изменились, и как единственный (свой!) политкаторжанин, как человек, пострадавший за «мужицкие» идеалы, в глазах гуляйпольцев приобрел несомненный авторитет. Ему устроили поистине торжественную встречу с приветственными речами, подношением памятных подарков. В своем ответном слове растроганный Махно заметил: «Из самых глубинных недр ... крестьянства родится та мощная ре-

волюционная волна самостоятельности масс, на которую революционный анархизм должен опереться».

Нестор устроился маляром на завод, однако рабочая «карьера» продолжалась буквально несколько дней. Земляки сообщили Нестору об избрании его заместителем председателя волостного земства. Вскоре Махно создает боевую организацию – «черную гвардию». С началом лета Махно и его «черная гвардия» обрушили свои удары на местных помещиков. В одном из захваченных имений была организована «образцово-показательная коммуна анархистов». Но в коммуне не столько работали, сколько устраивали попойки, которые заканчивались беспорядочной стрельбой в воздух или кавалерийскими налетами на близлежащие хутора. Со всей волости махновцы свозили в свою коммуны награбленное добро, обменивая его потом на самогон, не брезговали и кражей лошадей, сбывая их цыганам. Махно пытался личным примером урезонить своих распоясавшихся приближенных, два дня в неделю он посвящал работе в коммуне, однако установить дисциплину ему так и не удалось. Он махнул рукой и старался больше не обращать внимание на разгул «гвардейцев». Гуляйполе превратилось в карликовое «вольное» государство, которым стал руководить Нестор, быстро войдя во вкус правителя.

Но вольная жизнь «гвардейцев» продолжалась недолго. Согласно Брест-Литовскому соглашению 22 апреля в Гуляйполе вошла германская пехота, за ней следом – гайдамаки. Начались обыски и повальные аресты. У волостной управы расстреляли несколько человек, в том числе и брата Нестора – Емельяна. Гетманцы, раздосадованные бегством Махно, сожгли его дом.

Нестор побывал в Таганроге, Ростове-на-Дону, Царицыне, Саратове и Астрахани. Прибыв в Москву, он сразу же отправился на поиски П.Аршинова, который состоял секретарем «Московского союза идейной пропаганды анархизма». Старый учитель свел Махно с патриархом российского

анархизма П.А.Кропоткиным. Об этой встрече грезилось еще в Бутырках, и Нестор не обманулся в своих ожиданиях.

«Он принял меня нежно, – вспоминал Махно, – как еще не принимал никто. На все поставленные мной ему вопросы я получил удовлетворительные ответы. Когда я попросил у него совета насчет моего намерения пробраться на Украину для революционной деятельности среди крестьян, он категорически отказался советовать мне. Лишь во время прощания он сказал: “Нужно помнить, дорогой товарищ, что борьба не знает сентиментальностей. Самоотверженность, твердость духа и воли на пути к намеченной цели побеждает все”».

Наставления убежденного сединами революционера Махно запомнил на всю жизнь. Сам он не раз повторял, что этот завет помог ему в последующие годы, когда его собственная жизнь зависела от «твердости духа и воли».

Интересовала Нестора и позиция большевиков. Причем получать информацию он желал из первых рук. Аршинов устроил Нестору встречу с тогдашним партийным теоретиком Н.И.Бухариным. Расспросив Махно об обстановке на Украине и о том, как он добрался до Москвы, Бухарин провел его в приемную Председателя ВЦИК Я.М.Свердлова. Нестор объяснил ему цель прихода и изложил свое намерение уехать на Украину для борьбы «с оккупантами и контрреволюционерами». Свердлов решил устроить Махно встречу с Лениным, чтобы тот проинформировал большевистского вожда о положении крестьянства на юге страны.

«На следующий день, ровно в час дня, – вспоминал позднее Махно, – Свердлов провел меня к Ленину. Последний встретил меня по-отцовски и одной рукой взял за руку, другой, слегка касаясь моего плеча, усадил в кресло... Сел против меня и начал расспрашивать.

На все эти вопросы я отвечал Ленину кратко. Ленин же, со свойственным организатору и руководителю умением, старался так обставлять свои вопросы, чтобы я как

можно подробнее на них останавливался. Так, например, на вопрос, как крестьяне тех местностей, откуда я, воспринимали лозунг “Вся власть Советам на местах”, Ленин переспрашивал меня три раза, заключив:

– Вас, товарищ, я считаю человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была бы хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные соглашения и совместно работать на пользу свободной организации производителей.

Махно разразился тирадой:

– Анархисты-коммунисты всегда дорожат революцией и ее достижениями, всегда помнят о жертвах, понесенных во имя ее победы».

Встреча оставила двойственное впечатление в душе Махно: с одной стороны, он часто потом употреблял выражение «мудрый Ленин», а с другой – решил, что именно вождь большевиков – инициатор преследования анархистов.

Июльским вечером 1918 г. Нестор Махно покинул «бестолково-шумную» Москву, истинно революционный дух которой, по его словам, постепенно замирал. Хотя Махно не отрицал роли советов, его понимание революции очень отличалось от большевистского. Никакой руководящей роли партии Махно, естественно, не признавал. Для него «низовой» Совет – самодостаточная организация, в которой только и может быть непосредственно явлена воля народа. Власть партии – абсурд, пролетарское государство – вредная фикция, ибо, как неоднократно повторял Нестор, «государство олицетворяется чиновниками, и фактически они являются всем, рабочий класс – ничем».

Махно благополучно добрался до родного Гуляйполя и уже на следующее утро приступил к формированию отряда, тактикой которого стал индивидуальный террор, а в качестве основных жертв намечались окружение Скоропадского, офицеры и чиновники, а если представится случай, то и сам гетман.

Для начала отряд атаковал поместье помещика Резникова, сыновья которого служили у гетмана Скоропадского. В руках у махновцев оказалась приличная сумма денег – пять тысяч рублей, на которые был куплен пулемет. Следующей же ночью пулемет проверили на деле – в ночном налете на экономию Нейфельда. В числе трофеев махновцам досталась и барская бричка. Нестор распорядился установить на ней пулемет. Это была первая тачанка, которая в будущем стала грозным оружием гражданской войны.

По мере увеличения численности отряда Нестор опробовал тактику широкомаштабных боевых операций, успех которых достигался благодаря внезапности удара, для чего нередко использовались «свадебные поезда» и прием маскировки под гетманов.

Ради справедливости следует сказать, что Махно в тот период как военачальник не был уверен в себе. Его часто обуревал подсознательный страх. На первых порах ему помогал Феодосий Шусь, в натуре которого сочетались воля, жестокость, садизм с крестьянской непосредственностью. Рядом с ним Махно чувствовал себя увереннее, знал, что может на него положиться в любой ситуации, тот не подведет и не предаст. Но и сам Нестор с каждым днем все более верил в свои силы. За смелость и умелое командование повстанцы нарекли Махно батькой. Тогда же Махно ввел порядок, который с некоторыми изменениями существовал в течение всей гражданской войны: на каждые захваченные колонию или хутор накладывалась контрибуция, а у крестьян изымались лошади. Крестьянское население обязали предоставлять повстанцам и брички под тачанки.

Революционные события в Германии и денонсация Брестского мира повлекли за собой серьезные изменения в политическом раскладе на Украине. На арене появилась новая сила – Директория во главе с Симоном Петлюрой. Его военные формирования – «сечевые стрельцы» – разверну-

ли боевые действия против гетманской администрации. Скоропадский бежал в Германию, бросив Киев на произвол судьбы. Однако Директории угрожали части Добровольческой и Красной армий и Махно, который стремился объединить под своей властью южные районы Украины.

Петлюра стремился привлечь Махно на свою сторону. Напряженные переговоры закончились подписанием договора, согласно которому петлюровцы выделяли махновцам боеприпасы. Взамен этого батька разрешил мобилизовать на «своей» территории новобранцев в петлюровскую армию. Однако Махно перехитрил атамана: пока из складов в махновские брички перегружались патроны, батька выступил с «разоблачением» политики Директории. А как только полученное оружие оказалось в полной безопасности, он отдал приказ атаковать мнимых союзников. Не ожидавшие такого подвоха петлюровцы понесли серьезные потери.

***

В начале 1919 г. с юга на контролируруемую Махно территорию надвигалась большая опасность – Добровольческая армия. Батька сразу почувствовал, что дело предстоит иметь с хорошо вооруженным и обученным войском. Прекрасно понимая, что в одиночку многочисленным врагам противостать не удастся, Махно начал искать связь с советскими войсками. После непродолжительных переговоров махновцы заключили с красным командованием соглашение о совместной борьбе против добровольцев. Для малочисленных советских войск привлечение махновцев к борьбе с Деникиным явилось большим успехом. Повстанцы оттягивали на себя значительное количество войск противника.

О взглядах батьки можно судить по одному из его выступлений: «Кто же наш враг? Это – реакция в лице армии золотопогонного, царского генерала Деникина, силы более могучей, чем одоленные нами его предшественники, по военному опыту, во-

оружию и численности. Одолеть эту силу – значит целиком спасти все завоевания революции: со свободными коммунами, с вольными советами и с той независимостью, которая открывает перед крестьянами широкие виды для создания непринужденного труда и вполне независимого права на существование. Ну, а если мы все заинтересованы в переустройстве социальной жизни, при которой все будут свободны, равны и независимы, то разум повелевает немедленно встать, как один человек, на борьбу за независимость трудящихся...

Итак, все на борьбу за вольную жизнь, за право на труд, за свободу!»

Махно оставался верным своему принципу независимости. Повстанческая армия вошла в состав красных войск на следующих условиях: внутренний распорядок ее оставался прежним, но в ее состав допускались комиссары, махновские войска подчинялись высшему командованию лишь в оперативном отношении и никуда не передислоцировались из своего района. Сохранялись название – Революционная повстанческая армия и анархистская символика.

В феврале 1919 г. в советской прессе началась широкая кампания восхваления Махно как пламенного революционера. Первая такая публикация появилась в московских «Известиях»: «Гнездом скрытого революционного брожения в дни реакции Скоропадского было Гуляйполе. Здесь с июля месяца 1918 г. начала действовать маленькая группа революционеров под начальством батьки Махно. В состав ее входили левые социалисты-революционеры, анархисты, но главной силой в них, конечно, были коммунисты. Конечно, назвать Махно большевиком нельзя даже с большой натяжкой. Это исключено. Здесь срабатывал другой фактор. На сближение с махновцами большевистские власти пошли не с добра и с дальним прицелом. Дело в том, что поддержка их в сельских районах ощущалась довольно слабо, гораздо больше – число недовольных, особенно после

принятия “Положения о создании волостных и сельских комитетов бедноты”, к которым от сельского общества и крестьянского схода переходила вся полнота власти. А ликвидировать повстанчество и Н.Махно, под ружьем у которого в начале года насчитывалось уже более 20 тыс. штыков и 8 тыс. сабель и распространившего свое влияние на территорию с населением свыше 1,7 млн человек, стало невозможным. Авторитет повстанцев настолько высок, что, затронув их, ущемив их права, можно потерять многое».

Советские власти придерживались соломонава решения – пусть махновцы бьют нашего врага, а придет время, доберемся и до них. Тем более что своего неприятия к большевистской форме правления Махно никогда не скрывал.

21 февраля по войскам харьковского направления издается приказ под №18, согласно которому из его частей были образованы 1, 2, 3-я Заднепровские украинские дивизии, командирами которых были назначены П.Дыбенко, Н.Григорьев, Н.Махно. Нестор очень гордился своей должностью, но и испытывал смутную тревогу. Он терял былую свободу и становился всего лишь командиром одного из многих воинских соединений Красной Армии. Тревожили его и сообщения разведки, которая докладывала, что красное командование недовольно его действиями и тем авторитетом, которым он пользуется. Неожиданно для всех Махно наградили орденом Красного Знамени. Вручить его батьке прибыл К. Ворошилов. Махно взял тяжелый красный кругляш со словами: «Я воюю не за ордена, а за победу революции, так как я крестьянин и сейчас наша цель – отстоять, уберечь победу революции от белогвардейцев».

***

Отношение большевиков к вожаку повстанцев было двойственным. Они стремились использовать махновские части для борьбы против белогвардейцев и одновременно разрабатывали планы их ликвидации.

Летом 1919 г. Махно объявили врагом революции. Части 14-й армии разоружали повстанческие отряды. Батька решил на время затаиться, перебравшись в село Кичкас, удаленное на значительное расстояние от линии фронта. 12 июля он (собрав новый отряд) отдал приказ наступать на Елисаветград, который в то время находился под контролем красноармейских частей. Наступление окончилось неудачей, и Махно отошел за несколько верст в деревню Компанеевку, где от местных крестьян узнал, что в соседнем селе Сасовке расположен атаман Григорьев, также объявленный советской властью вне закона.

Махно решил объединиться с григорьевцами и хорошенько к ним присмотреться. Но через несколько дней после этого решения к батьке попало письмо, из которого следовало, что атаман давно связан с деникинцами, от которых получал оперативные распоряжения и деньги.

Заседание махновской верхушки прошло скоротечно, решение немедленно предать гласности двурушничество атамана и ликвидировать его принято единогласно. Как ни странно, лишь один Махно колебался. Он доказывал, что еще не настало время, что следует повременить, когда состав армии возрастет, и, вообще, лучше надо повнимательнее присмотреться, ибо атамана могли подставить чекисты, чтобы дискредитировать Григорьева в глазах махновцев и убрать его их руками. С батькой, после короткого размышления, повстанцы согласились. Почти целый месяц Махно и его ближайшие сподвижники присматривались к атаману, пытаясь внимательно отследить его тайные связи. Решение о ликвидации Григорьева батька принял 24 июля. Что подтолкнуло его – сказать трудно. Иногда поступки Махно объяснялись просто сменой настроения. Кровавая развязка произошла 27 июля в селе Сентово, где Григорьев был уничтожен.

...Деникинские войска стремительно продвигались в глубь страны, по Добровольческой армии уже зачитывали приказ

о наступлении на Москву. Белогвардейцы опрокинули весь фронт красных войск. Красноармейские части, потрепанные и деморализованные в непрерывных боях, медленно откатывались на север. Единственной сплоченной силой, противостоявшей тогда белогвардейцам, оставались отряды Махно. И на их долю досталось немало: сотни могил осталось в степях.

Окружаемый со всех сторон белогвардейцами, батька решил прорываться на северо-запад. Но, осуществив этот рейд, он оказался вновь в окружении: с фронта и флангов его теснили деникинцы, с тыла поджимал старый «союзник» и враг одновременно – головной атаман Симон Петлюра. Повстанцев спасло то, что Махно умел вести операции и влиять на основную часть местного населения, поддерживающего его и пополняющего ряды его армии. Успешные боевые операции махновцев вызвали большой переполох в белогвардейских штабах. Совершая рейд по деникинским тылам, повстанцы умело применяли испытанные ими ранее формы и методы партизанской войны. Так, при встрече с большими отрядами противника Махно не вступал с ними в открытый бой. Навстречу белогвардейцам из ближайшего селения высылались старики с хлебом-солью, чтобы успокоить белогвардейцев. А когда отряд противника останавливался на ночлег, по условному сигналу повстанцы атаковали ничего не подозревающих деникинцев. Понимая, что своими действиями он «подставляет» мирное население, Махно стремился уничтожить противника полностью, не захватывая порой даже пленных. Но в ряде случаев батька приказывал отпускать отдельных офицеров. Ушедший от махновцев белогвардеец, по рассуждению Махно, чтобы скрыть свою оплошность, снять позор, никогда не расскажет правды, а будет способствовать распространению паники и страха в стане противника.

Окрыленные успехами махновские кавалерийские отряды оказались вблизи деникинской ставки – Таганрога, что вызвало

большой переполох в стане врага. Для ликвидации неожиданных гостей Деникин перебросил с фронта лучшие свои силы – части генералов Слащева и Шкуро. Отдавая приказ ликвидировать махновщину, Деникин ограничился лишь краткой директивой: «Чтобы я больше даже не слышал имени Махно!»

Он явно недооценил повстанческое движение и его вожака, справиться с неугомонным и поднаторевшим в военных делах батькой оказалось не так-то просто...

Но, как оказалось, опасность грозила с другой стороны. 5 января 1920 г. после двухчасового боя с белыми в Александровск вошла 133-я кавбригада Красной Армии. В этот же день со стороны правого берега реки по льду в город вошли части Махно.

Командование 45-й дивизии, которое непосредственно подчинялось Главковерху, решило пойти на переговоры с Махно, дабы узнать его дальнейшие планы. Три часа велись безуспешные переговоры. 9 января Всеукраинский революционный комитет объявил Махно и его ближайшее окружение вне закона, «как дезертиров и предателей». Однако Махно, за годы войны много повидавший и всегда готовый к разным неожиданностям, ночью, накануне объявленной передислокации, отдал приказ незаметно покинуть Александровск. Весь февраль и март Махно провел в переходах от одного села к другому в пределах своего бывшего «свободного района», постоянно вступая в стычки с небольшими отрядами красноармейцев, которые не давали спокойной жизни повстанцам.

Весна 1920 г. ознаменовалась серьезными успехами Белого движения. Новый главнокомандующий белыми армиями юга России барон П.Н.Врангель, перегруппировав силы, предпринял довольно удачное наступление в Северной Таврии. Красные, неся огромные потери в живой силе, откатывались от Крымского полуострова на север. Белые, несмотря на свою малочисленность, стремительно продвигались по двум основным направлениям – в сто-

рону центральных губерний России и на северо-запад.

Войска Врангеля, выбив красных из Северной Таврии, вступали в южные уезды Екатеринославщины и тем самым угрожали махновской территории. Бесспорно, Врангель считал Махно своим противником, так как махновщина для него была синонимом российской смуты. Однако барон, будучи расчетливым политиком и толковым военным, прекрасно понимал, что без союзников, даже временных, ему не обойтись. После недолгих раздумий Врангель решился пойти на установление прямой связи с батькой.

Но тот не пошел ни на какие компромиссы. Махно заявил: «Единственный ответ, который мы можем дать, это постановить одно: какой бы делегат ни был прислан от Врангеля, он должен быть казнен нами, и никаких ответов не может быть дано».

Война и с белыми, и с красными продолжалась. Но в сентябре 1920 г., когда врангелевские разъезды показались вблизи позиций махновцев, Махно решил обратиться к Советам с заявлением, что он прекращает боевые действия против красных войск, и с предложением объединиться в борьбе с белой армией.

Перед Махно и его штабом встала непростая задача – объяснить сотням рядовых повстанцев необходимость такого шага: «Тяжелый час настал на родной Украине. Обрато на измученную родину надвигаются грозные тучи. С запада идет ненавистный каждому украинцу исторический враг – польская шляхта. С юга неудержимо врзается все глубже и глубже в сердце Украины душитель народа немецкий барон Врангель. Зарвавшиеся было коммунисты и комиссары получили снова хороший урок. Пришлось им признать, что без украинского народа и вольного повстанчества они что-нибудь сделать бессильны. С другой стороны, Совет Революционно-повстанческой армии Украины [махновцев] пришел к заключению, что, оставаясь в настоящее время безучастным зрителем, укра-

инские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага – польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном. Как одно, так и другое смерти подобно для селянства Украины. Учитывая вышесказанное, Совет нашей армии принял решение временно до разгрома нападающих внешних врагов и царских наймитов идти в союзе и рука об руку с советской Красной Армией».

Несмотря на потепление взаимоотношений, между Махно и командованием Красной Армии сохранялось взаимное недоверие даже после заключения союза.

Для участия в боевых действиях против «черного барона» Махно направил повстанческую (Крымскую) армию во главе с командующим С.Н.Каретниковым и начальником штаба П.Гавриленко в количестве 2,5 тыс. бойцов. Кавалерию возглавил А.С.Марченко, бывший доверенным лицом батьки, пулеметным полком командовал Фома Кожин. «Тыловая группа», которая подчинялась непосредственно Махно, находилась в Гуляйполе. Батька считал, что перемирие с советской властью надо продлить как можно дольше. В этом он видел залог спасения движения, которое нуждалось по крайней мере в нескольких месяцах спокойствия. Он боялся дать малейший повод для возникновения конфликта с командованием Красной Армии.

5 ноября краском М.Фрунзе отдал повстанцам приказ ударить в тыл перекопским позициям белых и развивать затем наступление в направлении Симферополя. В ночь на 8 ноября махновцы в составе ударной группы 6-й армии вошли в Сиваш и в сложных погодных условиях форсировали водную преграду. Первыми на берег из гнилого моря вышли лихие кавалеристы Марченко, вслед за ними – пулеметный полк. В сивашских водах погибло немало махновцев, еще больше – ранено, получил серьезное ранение и Фома Кожин. Бойцы вытащили своего командира из ледяной купели на руках и через пару часов он, весь в бинтах, продолжал отдавать распоряже-

ния. Через несколько часов отряды махновцев уже гарцевали по набережным Севастополя, а в сторону Турции уходили последние корабли с русскими беженцами...

Когда в Гуляйполе стало известно об успехах Южного фронта, адъютант Махно воскликнул: «Конец соглашению!»

Победа над Врангелем развязала советской власти руки. 14 ноября состоялось заседание ЦК КП(б) Украины. Рассматривался всего один вопрос – о Махно и повстанческом движении. Решение о его ликвидации приняли единогласно. В ночь на 26 ноября красные части блокировали махновские отряды, в горячем бою большая часть повстанцев погибла, пленных расстреливали тут же. Лишь немногим, в том числе и Махно, удалось вырваться. Он дал слово отомстить за погибших товарищей и развернул военные действия теперь уже против красных. В конце 1920 г. батька настолько измотал большевиков, что для них занятие того или иного района считалось за крупный успех.

***

Новый 1921 г. Нестор Махно и его хлопцы встретили в яростном бою... И бой этот длился почти целый год, лишь к августу Красной Армии удалось почти полностью ликвидировать махновцев. Махно двинулся к границе, медленно, проселочными дорогами продвигался к Днестру.

На рассвете 28 августа 78 махновцев приготовились к последнему бою. Прямо на западе – Румыния. Утро... Тишина... Над Днестром стоял густой туман. Неожиданно со стороны балки и леса вылетело несколько тачанок. Старясь обогнать их, к заставе неслись всадники, размахивая над головами пашками. Внезапно пулеметная очередь смешала ряды несшихся повстанческих конников. Пересечь границу удалось немногим.

Румынские власти разрешили Махно, его жене и нескольким махновским командирам жить в Бухаресте, а остальных повстанцев разместили по лагерям военно-

пленных. Затем выпустили. 11 апреля 1922 г. он и еще 18 бывших повстанцев перешли польскую границу.

Советская сторона направила польским властям ноту с требованием выдать Махно. Однако поляки, хотя и взяли махновцев под арест, решили не выдавать их Советам. Почти год батька провел за колючей проволокой, где получил известие о рождении дочери.

23 мая 1923 г. прокурор окружного суда Варшавы начал дело против Махно, обвинив его в подготовке вооруженного мятежа в Восточной Галиции. Махно был оправдан, он остался доволен решением суда, который, по его словам, вынес справедливый приговор и развеял «кровавую легенду, окружающую его имя». Но открытое заявление Махно о готовности продолжать борьбу против советской власти, которое он опубликовал в конце 1923 г., вызвало обратную реакцию у правительства Польши. Дом, где проживал Махно, оказался под пристальным вниманием польской контрразведки. Уныние, разочарование, чувство ненужности охватило деятельную натуру батьки, все чаще его стали посещать мысли о самоубийстве. 14 апреля 1924 г. прошло сообщение: «Махно покончил с собой, перерезав себе бритвой горло». Однако уже на следующий день в газетах появилось опровержение. Батька действительно предпринял попытку самоубийства, но врачам удалось его спасти.

Летом с помощью друзей-анархистов Махно перебрался сначала в Данциг, затем, тайно, в Брюссель, оттуда в Париж, где в это время уже находилась жена с дочерью. В пригороде французской столицы семья Махно прожила почти десять лет. Жили они скромно, постоянно испытывая материальные затруднения. Жена работала прачкой в одном из пансионов для русских эмигрантов, Нестор перебивался случайными заработками. Не чурался Махно и литературного труда, сотрудничая в различных анархистских изданиях. Много времени уходило у батьки на работу над воспо-

минаниями, в 1927 г. вышел первый том мемуаров. Публика довольно вяло прореагировала на их появление.

...Так незаметно шли месяцы и годы. С каждым прожитым годом здоровье Махно ухудшалось, давала о себе знать лихая молодость. В июне 1934 г. ему сделали сложнейшую операцию – удалили два пораженных туберкулезом ребра, но здоровье не улучшилось. Он медленно угасал. В шесть часов утра 25 июля 1934 г. его не стало. Через пару дней единомышленники и близкие друзья собрались на кладбище Пер-ла-Шез. Урна с прахом замурована в стене колумбария (за номером 3934).

...Вот такая судьба, такая личность. Как оценить ее роль в революции? Все, видимо, зависит от точки зрения. Но как бы то ни было, очевидно: с легкостью определить, что тут было хорошо, а что плохо, вряд ли удастся. Когда развязано революционное насилие, оно дальше развивается по собственным законам и резко меняет смысл вещей и понятий – порой самым чудовищным образом. Убийства становятся доблестью и классовым долгом, коварство и обман называются революционной тактикой, ограбление деревни – борьбой за интересы народа... Образ Махно не стоит идеализировать, он – не Робин Гуд, но и не монстр, ужасающие черты которого ему стремилась придать советская историческая наука. Он – продукт той эпохи, в которой переплелось все – от великого до смешного, от трагического до великого, от наивно-чистого до грязно-подлого, от романтического до уголовного...

Литература

- Махно Н.И.* Русская революция на Украине. Т.1. Париж, 1929.
- Аришинов П.* История махновского движения (1918–1921 гг.). Берлин, 1923.
- Семанов С.М.* Под черным знаменем, или Жизнь и смерть Нестора Махно. М., 1991.
- Волковинский В.М.* Махно и его крах. М., 1992.
- Телицын В.Л.* Нестор Махно: Историческая хроника. М.; Смоленск, 1998.